

БІБЛІОГРАФІЧНИЙ СПИСОК

1. Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Воронеж, 2004.
2. Беруашвили И. Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Тбилиси, 1986.
3. Полянский А. Н. Категория интенсивности признака в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1978.
4. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
5. Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21. М., 1974.
6. Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1981.
7. Хисамова Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. Уфа, 2009.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2011. № 4 (16). С. 41–52.
10. Рублеева Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2006.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000.
12. Соколов А. Н. Проблемы научной дискуссии (логико-гносеологический анализ) / под ред. В. Н. Боряза. Л., 1980.
13. Ташкинова Т. Г. Гносеологические аспекты научной дискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 09.00.01. М., 1977.

Поступила в редакцию 25.03.2015.

Алла Борисовна Лисова – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета Е. Г. Задворная.

УДК 82.0+81'42

А. П. МЕРЧИ

**ІЗОБРАЖЕНИЕ І ІНТЕРПРЕТАЦІЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕННЯ
В АВТОРСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ
(на материале рассказов Дж. Лондона и А. И. Куприна)**

Резюме. На основе оппозиции изображения и интерпретации (как двух противопоставляемых способов представления действительности в художественном тексте) выявлены различия между рассказами Дж. Лондона *To the man on trail* («За человека в пути») (1898) (0,43 п. л.) и А. И. Куприна «Танер» (1900) (0,61 п. л.) в характере представления общения героев. Указанные различия реализуются на двух уровнях: 1) в строении текста, а именно в том, какое место в произведении занимает общение героев и с какой полнотой речь героев передана рассказчиком; 2) в содержании авторских сопровождений прямой речи героев. Метод исследования основан на различии и подсчетах трех видов лексических компонентов в составе авторского сопровождения прямой речи: изобразительных, интерпретирующих и гибридных. Наиболее существенные различия в содержании авторских сопровождений прямой речи таковы: 1) у обоих писателей в авторском сопровождении прямой речи преобладает изображение: у Дж. Лондона – 58 % лексических компонентов, у А. И. Куприна – 60,3 %; 2) в рассказе Дж. Лондона на 7,4 % выше доля иллокутивных глаголов (интерпретирующие компоненты); 3) в рассказе А. И. Куприна почти в 2 раза выше процент признаковых психолингвистических компонентов (т. е. интерпретирующих); 4) А. И. Куприн в большей мере склонен изображать параграфистическое сопровождение речи; 5) все авторские сопровождения у А. И. Куприна лексически более развернуты, чем у Дж. Лондона.

Ключевые слова: авторское сопровождение; прямая речь; изобразительный компонент; интерпретирующий компонент; гибридный компонент; параграфистика; утилитарное действие; иллокутивный глагол; психоэмоциональное состояние; рассказ; межличностное общение.

Abstract. On the basis of the depiction and interpretation opposition (as two contrasting ways of representation of reality in a literary text) it is shown the differences between the stories of J. London *To the man on trail* (1898) (0,43 p. s.) and of A. I. Kuprin «Taper» ('Ballroom pianist') (1900) (0,61 p. s.) in the way of the representation of communication between the heroes. The specified distinctions are presented at two levels: 1) in a text structure: what place in a literary text the communication between heroes takes, and in what way the completeness of the speech of heroes is represented by a narrator; 2) in the content of author's words in the direct speech of heroes. The method of the research is based on the distinction and calculation of three types of the lexical components in the author's words of the direct speech: depicting, interpreting and mixed ones. The most essential distinctions in the content of the author's words of the direct speech are as follows: 1) depiction in author's words dominates in the stories of both writers: 58 % components in J. London's and 60,3 % in A. I. Kuprin's texts; 2) in J. London's story the rate of the illocutionary verbs (the interpreting components) is 7,4 % higher; 3) in A. I. Kuprin's story the percentage of the determining psychological components (the interpreting components) is almost twice higher; 4) A. I. Kuprin is more inclined to represent paralinguistic actions; 5) in A. I. Kuprin's story the representation of communication in all the author's words is lexically more detailed, than in J. London's one.

Key words: author's words; direct speech; depicting component; interpreting component; mixed component; paralinguistics; utilitarian action; illocutionary verb; psychological and emotional state; story; interpersonal communication.

1. Оппозиция изображения и интерпретации в авторском сопровождении прямой речи героев. В эпическом произведении оппозиция изображения и интерпретации в представлении общения реализуется на двух уровнях: 1) в строении текста: важно, какое место в произведении занимает общение героев и с какой полнотой речь героев передана рассказчиком; 2) в содержании авторских сопровождений прямой речи.

В художественной прозе отдельные реплики прямой речи героев могут следовать одна за другой без авторского сопровождения. Это нулевое авторское сопровождение. Ненулевые авторские сопровождения разделяются на содержательные и технические, последние из которых нужны автору только для того, чтобы читатель мог понять, кому из персонажей принадлежит данная реплика.

Содержательные авторские сопровождения либо изображают говорящего в момент произнесения реплики (*подбежал он с улыбкой*); либо раскрывают его психологическое состояние или мотивы его реплики, т. е. интерпретируют речь (*волнуясь, ответил Ваня*); либо соединяют в себе изображение и интерпретацию (*вопил он, тряся кулаком*).

«Всеведущий» автор художественного произведения может полностью «знать» или «понимать» как психологическое состояние своего героя, так и «подлинное» намерение произносимой реплики, что он и сообщает читателю. В реальном общении партнеры отнюдь не могут быть уверены, что «до конца» понимают друг друга. Как пишет М. Я. Гловинская, анализируя достаточно обычные в практике речи факты ошибочной интерпретации иллокутивного намерения или общей коммуникативной установки собеседника, «в огромном большинстве случаев установить истинное иллокутивное намерение не представляется возможным» [1, с. 25].

Можно ли говорить, что одни авторы предпочитают «изображать» (*нахмурился отец*), а другие – «интерпретировать» (*вразумил отец*)? Для ответа на этот вопрос был проанализирован лексический состав авторских сопровождений прямой речи во всех цитатных комплексах в рассказах писателей-свременников Дж. Лондона и А. И. Куприна.

При подсчете количества изобразительных и интерпретирующих компонентов одно слово (сочетание слов (*пожал руку*)) учитывалось как один компонент. Если выделялись гибридные компоненты, то по 0,5 балла добавлялось в ту семантическую группу компонентов, к которой они относятся. Например, в цитатном комплексе:

– *Mesdames, а где же тапер? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает.*

Тот говорит – мне не приказывали, тот говорит – это не мое дело... У нас постоянно, постоянно так, – горячилась Тиночка, топая каблуком о пол.

– *Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...* [2, с. 331–332]

в словах автора присутствуют изобразительные компоненты (каблуком, о пол), интерпретирующий (горячилась), гибридный (топая) и нерелевантный компонент (Тиночка). Итого: 2,5 изобразительного, 1,5 интерпретирующего компонента. В аспекте противопоставления изображения и интерпретации речи нерелевантными компонентами являются: 1) глаголы восприятия речи (слышал); 2) слова в составе авторских замечаний и описаний, непосредственно не относящихся к ситуации общения (Лидия резко выделялась своим белым платьем [2, с. 340]); 3) названия (имена) участников коммуникации; 4) неиллокутивный, т. е. неинтерпретативный, глагол речи (говорить/сказать, to say).

2. Лексические компоненты, создающие изобразительность авторского сопровождения прямой речи. Если автор стремится изобразить ситуацию общения, то он видит свою задачу в том, чтобы дать читателю возможность все «увидеть» и «почувствовать». В цитатном комплексе

– *Только, барышня, не браните меня, – зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны* [2, с. 338]

слова автора, изображая поведение героини в момент высказывания, отмечают, во-первых, параграфический аспект звучания речи (зашептала), ее негромкость; во-вторых, проксемику коммуникации (наклоняясь) и указание на физиологию (к самому уху), т. е. героиня максимально приблизилась к адресату.

В составе изобразительных компонентов авторского сопровождения прямой речи персонажей можно выделить следующие: 1) названия параграфических явлений; 2) указания на физиологические явления; 3) указания на акустические, артикуляционные свойства звучания речи; 4) названия всех сопутствующих утилитарных действий; 5) указания на характер и условия протекания общения.

2.1. Названия параграфических и физиологических явлений, сопровождающих речь персонажа. В устном общении жесты и мимика бывают не менее выразительны, чем слова. М. М. Бахтин, подчеркивая важность «телесного» компонента в том диалоге, который человек ведет всю свою жизнь, писал: «В этом диалоге человек существует весь и всю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [3, с. 318]. В рассказе А. И. Куприна невербальное сопровождение речи раскрывает доброжелательность, приветливое отношение говорящего к таперу: *ласково улыбался Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку* [2, с. 341]. А. Пиз не раз показывал, как жесты вовсе заменяют слова: «когда женщина бросает “убийственный” взгляд на мужчину, все становится ясно, хотя при этом она не открывает рта» [4, с. 6].

Глаголы проксемики показывают, что происходит в коммуникативном пространстве между героями: они сближаются, или держат дистанцию, или увеличивают ее между собой: *подбегала* [2, с. 337], *отвела* (в сторону) [Таню] [2, с. 337], *наклоняясь* (к самому уху) [2, с. 338]; *turning* [5, р. 17] ‘поворачиваясь’, *arose* [5, р. 11] ‘встал’.

Автор может непосредственно «наблюдать» за мимикой и жестами героев: (*сияя очаровательной*) *улыбкой* [2, с. 335], *протягивая ему руку* [2, с. 341], *сделав несколько поклонов* [2, с. 342]; *smiled* [5, р. 9]

‘улыбнулся’, *gripping his hand* [5, р. 15] ‘пожимая его руку’. Писатель может изобразить движения глаз героев, их взгляды, т. е. окулесику коммуникации: *перевел глаза* [2, с. 339], *закрыл (глаза)* [2, с. 344]; *caught Belden's eye* [5, р. 16] ‘поймал взгляд Белдена’, *glanced round (the circle of his judges)* [5, р. 18] ‘окинул взглядом (круг своих судей)’.

Герой может краснеть, бледнеть, покрыться испариной, т. е. автором изображается симптоматическое явление. Например, персонаж испытывает какое-либо чувство, и оно проявляется в вегетативной реакции организма на такое эмоциональное состояние – *покраснел*:

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержаным тоном:
– Да, и польку тоже [2, с. 339].

2.2. Указания на физиологические явления. В авторском сопровождении писатель изображает действия героев, которые связаны с жизненными функциями организма, – например, *откашлялся* [2, с. 339] (*откашляться* – ‘1. Кашляя, избавиться от мокроты или чего-л. попавшего в горло; прокашливанием прочистить дыхательные пути (перед тем как начать говорить, петь)’ [6, с. 747]).

В словах автора указывается на отдельные части тела, органы персонажей, при участии которых совершаются некоторые действия героев или с помощью которых внешне проявляются состояния персонажей: *на большом пальце* [2, с. 333], *к самому уху* [2, с. 338], *миной* [2, с. 339], (*качнулся*) *туловищем* [2, с. 339]; *in hand* [5, р. 11] ‘в руке’, *on his cheeks* [5, р. 15] ‘на его щеках’, *all eyes* [5, р. 18] ‘все глаза’. Имена прилагательные при сочетаниях с существительными, которые называют чаще всего лицо или мимические движения, указывают на физиологические состояния героев: *свежим (видом)* [2, с. 335] (*свежий* – ‘9. Полный здоровья, сил (о человеке)’ [6, с. 1154]), *очаровательной (улыбкой)* [2, с. 335], *обычной (миной)* (*обычный* – ‘такой, как всегда; постоянный, привычный’ [6, с. 694]) и др.

2.3. Указания на акустико-артикуляционные черты звучания речи. Изображение звучания речи в тексте создается с помощью речевых неиллокутивных глаголов звучания.

«*An old-timer; cares for his dogs and then himself*, whispered Malemute Kid to Prince, as they listened to the snapping jaws and the wolfish snarls and yelps of pain which proclaimed to their practiced ears that the stranger was beating back their dogs while he fed his own [5, р. 11]

‘– Человек бывалый, заботится о собаках, а потом уже о себе, – шепнул Мэйлмют Кид Принсу, в то время как они слушали щелканье челюстей, волчье рычание и жалобный визг, что показывало их опытным ушам, что незнакомец отгонял их собак, пока он кормил своих’

в авторском сопровождении указывается на то, что герой произносит свою речь тихо, шепотом: *whisper* – *vt 1a ‘to address in a whisper’* (‘обращаться шепотом’) [7, с. 2606].

В исследуемых текстах акустические и артикуляционные черты звучания речи отображаются с помощью таких слов, как *затараторила* [2, с. 331] (тепм речи), *раздался голос* [2, с. 343]; *whispered* [5, р. 11] ‘шепнул’, *cried* [5, р. 18] ‘крикнул’ (громкость речи). Прилагательные и наречия тоже помогают создать впечатление звучания речи и указывают на физические особенности голоса, например на его негромкость: *сиплым (от мороза голосом)* [2, с. 338], *тихо* [2, с. 340], *шепотом* [2, с. 343–344].

2.4. Названия сопутствующих утилитарных действий. Утилитарные действия являются проявлением обычных повседневных действий людей, не требующих интерпретации: *пробуя (на большом пальце острие ножа)* [2, с. 333–334], (*подошел неслышно*) *ступая* [2, с. 337–338], *стояла (в которых [дверях])* [2, с. 340]; *received the treasure [the watch with the photograph] back* [5, р. 14] ‘получил сокровище [часы с фотографией] обратно’, *unmittened* [5, р. 15] ‘снял рукавицы’, *jerked out (his sack)* [5, р. 15] ‘вытащил (свой мешок)’, *began to light (his pipe)* [5, р. 13] ‘начал разжигать (свою трубку)’ и др. Такие психологически нерелевантные утилитарные движения тела с точки зрения семиотики Н. Б. Мечковской относят к группе движений с «нулевой степенью знаковости»: «Физическое движение равно самому себе, т. е. оно совершается с утилитарной, а не информационной целью и не является для окружающих источником сведений о внутреннем (невидимом) состоянии субъекта соответствующего действия» [8, с. 378].

2.5. Указания на характер и условия протекания общения. Компоненты авторского сопровождения могут детализировать картину общения. Наречия, прилагательные, предложно-падежные конструкции с существительными указывают на следующие условия протекания коммуникации: 1) время и скорость действия (*вдруг* [2, с. 339], *тотчас же* [2, с. 343]; *finally* [5, р. 14] ‘наконец’, *then* [5, р. 11] ‘потом’); 2) его внезапность (*внезапно* [2, с. 339]; *a moment later* [5, р. 14] ‘мгновение спустя’); 3) меру проявления действия (*десять раз (подбегала)* [2, с. 337]); 4) образ действия ((*говорил*) *на ходу* [2, с. 342–343], (*повернулся*) *резко* [2, с. 339]); 5) степень действия ((*стесняясь*) *не меньше его* [2, с. 338], *густо (покраснел)* [2, с. 339]; *half (fainting)* [5, р. 16] ‘почти (теряя сознание)’); 6) характер ситуации в момент общения ((*прошел*) *вместе с Рудневым* [2, с. 342–343]; (*smiled*) *through the clouds (of steam)* [5, р. 9] ‘(улыбнулся) сквозь клубы (дыма)’). В авторском сопровождении указывается на то, что действия героев происходят в конкретных местах ((*входя*) *в гостиную* [2, с. 335]; *there* [5, р. 15] ‘там’, (*saw*) *to the main trail* [5, р. 15] ‘(проводил) до главной дороги’) и совершаются с определенными предметами ((*пробуя*) *острие* [2, с. 333], (*острие*) *ножа* [2, с. 333]; *cup (in hand)* [5, р. 11] ‘кружка (в руке)’, (*began to light*) *his pipe* [5, р. 13] ‘(начал разжигать) свою трубку’). Например, для А. И. Куприна значимо, что геройня в одной из сцен при разговоре топнула каблуком (*горячилась Тиночка, топая каблуком о пол* [2, с. 332]), а не просто ногой, или туфлей, т. е. писателем указывается на предмет и в то же время на место действия (*о пол*).

3. Лексические компоненты, создающие интерпретативность авторского сопровождения прямой речи. При нулевом авторском сопровождении читателю дается возможность самому догадаться об иллокутивном намерении слов героев и об их психологическом состоянии. Однако автор обладает привилегией интерпретировать общение персонажей. К интерпретирующему компонентам авторского сопровождения прямой речи относятся следующие: 1) иллокутивные глаголы; 2) глаголы, обозначающие психоэмоциональные состояния и действия; 3) признаковые слова, характеризующие психологическое состояние персонажа, его внешность, речь; 4) слова и словосочетания, интерпретирующие причины совершаемых героями действий.

3.1. Иллокутивные глаголы. В цитатном комплексе

«*But the squaw?*» asked Louis Savoy, the tall French-Canadian, becoming interested; for he had heard of this wild deed, when at Forty Mile the preceding winter [5, p. 10]

‘— А индианка? — спросил Луи Савой, высокий француз из Канады, становясь заинтересованным, поскольку он слышал об этой дикой выходке еще на Сороковой Миле прошлой зимой’

в авторском сопровождении представлено суммирование интерпретирующих лексических компонентов: иллокутивный глагол (*asked* ‘спросил’) и глагол интеллектуального состояния вовлеченности (*becoming interested* ‘становясь заинтересованным’).

Глагол является иллокутивным, если может в форме прошедшего времени (для глаголов русского языка — совершенного вида) быть названием отдельного речевого акта и если возможно при этом продолжить предложение с таким глаголом придаточным, которое начинается союзными словами *что*, *чтобы*, *that*. Как пишет М. Я. Гловинская, «важно, что речевой акт может осуществляться с помощью одного высказывания» [9, с. 159]. К иллокутивным глаголам не относятся глаголы, которые подразумевают речевое действие по обмену высказываниями (*спорить*, *переругиваться*). Иллокутивные глаголы описывают речевые намерения, которые выражают подлинное содержание высказываний, поэтому речевые глаголы звучания (*кричать*, *картавить*) и некоторые глаголы речи (*говорить*, *to say*) не являются иллокутивными глаголами.

А. И. Куприн и Дж. Лондон говорят об иллокуции высказывания персонажей с помощью таких глаголов, как *продолжала дразнить* [2, с. 339], *заметила* [2, с. 331], *спрашивали* [2, с. 335], *возражал* [2, с. 335], *ответил* [2, с. 338], *упрашивала* [2, с. 339–340]; *approved* [5, р. 9] ‘одобрил’, *concluded* [5, р. 10] ‘заключил’, *admonished* [5, р. 16] ‘предупредил’, *asked in order to keep up the conversation* [5, р. 12] ‘спросил, чтобы поддержать разговор’, *replied* [5, р. 16] ‘ответил’, *was his parting advice* [5, р. 15] ‘был его прощальный совет’ (перифраза *he advised* ‘он посоветовал’). Составные глагольные сказуемые (*продолжала дразнить*), включающие фазовый и основной смысловой глагол, определялись по смысловому глаголу и рассматривались как один компонент.

3.2. Глаголы, обозначающие психоэмоциональные состояния и действия. Писатель может характеризовать внутреннее эмоциональное состояние героев в момент коммуникации с помощью таких глаголов и глагольных словоформ, как *задетый за живое* [2, с. 333–334], *начинала тревожиться* [2, с. 337], *стесняясь* [2, с. 338]; *brightened up* [5, р. 13] ‘обрадовался’, (*asked*) *becoming interested* [5, р. 10] ‘(спросил), становясь заинтересованным’. В цитатном комплексе

— Тапер? Такой маленький? Неужели? — удивлялся Руднев.

— Скажите пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы [2, с. 340]

в авторском сопровождении указывается на эмоциональное состояние героя (удивлялся), т. е. на то, что он испытывал удивление (‘состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-л. необычного, неожиданного, странного, непонятного’ [6, с. 1375]).

3.3. Признаковые слова (прилагательные и наречия), характеризующие психологическое состояние персонажа, его внешность, речь. Психологические признаковые слова и словосочетания (имя прилагательное, наречие, предложно-падежные сочетания с именем существительным) вносят вклад в раскрытие «невидимых» мотивов действий героев. Например, словосочетание *говорил с напускной супровостью* [2, с. 333–334] указывает на некоторую нарочитость поведения героя (*напускной*) и на выражение строгости и непреклонности (*с супровостью*). Р. К. Боженкова отмечает, что тон голоса помогает выразить душевное состояние говорящего, его отношения и чувства к субъекту или объекту речи: «Тон передает подтекст (скрытый смысл), который мы вкладываем в ту или иную фразу, выражая тем самым свое истинное отношение к слушателям и к тому, о чем говорят» [10, с. 48].

Психологические признаковые слова уточняют следующие составляющие эмоционального состояния героев: 1) психологическое состояние героев в момент общения ((*ответил сплюм*) *от робости* (*голосом*) [2, с. 338], (*отвернулся*) *в смущении* [2, с. 343], *презрительной* (*миной*) [2, с. 339], *the irrelevant (commencement of his defence)* [5, р. 18] ‘неуместное (начало его защиты)’); 2) характер звучания их речи (*взволнованно* (*шептала*) [2, с. 337], *насмешливо* (*возразила*) [2, с. 337]); 3) характер совершаемых ими действий (*со стремительностью* (*потащила его* [*тапера*] *в зал*) [2, с. 340], *abstractedly* (*began to light his pipe*) [5, р. 13] ‘рассеянно (начал разжигать трубку)’, *heartily* (*gripping his hand*) [5, р. 15] ‘сердечно (пожмая его руку)'). Признаковые слова указывают на отношение героев к другим персонажам или

на какое-либо намерение, что передается в характере совершаемых ими поступков и действий или в звучании их речи: *насмешливым (голосом)* [2, с. 337], *уклончиво (ответил)* [2, с. 338], *деланно (уронила)* [2, с. 339]; (*all eyes were turned*) *accusingly* [5, р. 18] ‘(все глаза устремились) осуждающе’, (*replied*) *evasively* [5, р. 16] ‘(ответил) уклончиво’.

3.4. Лексические компоненты, интерпретирующие причины совершаемых героями действий.

Знаменательные слова, словосочетания или сложные синтаксические конструкции могут указывать на причины совершаемых героями действий, изменение их эмоционального состояния или на какое-либо сравнение, что объясняет характер действия. Например, в цитатном комплексе

– *Воображаю! – деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задетая этим самоуверенным ответом* [2, с. 339]

в авторском сопровождении указывается на следующее: 1) иллокуцию речи (уронила); 2) эмоциональное состояние героини и отношение к другому герою (*деланно* (*деланный* – ‘искусственный, неестественный’)) [6, с. 247]); 3) авторскую интерпретацию действия героини: сравнение с актерской наигранностью (*точно актриса на сцене*); 4) эмоциональное состояние персонажа (*задетая (ответом)* (*задеть* – ‘З. Взволновать, обеспокоить; возбудить какое-л. чувство; затронуть’ [4, с. 320])); 5) причины эмоционального состояния: почему героиня чувствовала себя задетой (*самоуверенным и этим ответом*).

К данной группе компонентов были отнесены следующие слова и словосочетания: *от мороза (сиплым голосом)* [2, с. 338], *как у Аркадия Николаевича (сказала голосом)* [2, с. 337], *окончательно (решила взять)* [2, с. 341], (*решила взять*) *под покровительство* [2, с. 341]; *the exciting (tale)* [5, р. 13] ‘увлекательный (рассказ)’, (*fainting*) *from exhaustion* [5, р. 16] ‘(теряя сознание) от усталости’ и др.

4. Лексические компоненты, в которых изображение речи героя сочетается с интерпретацией речи. Некоторые авторские сопровождения прямой речи героев содержат слова, которые включают в себя оба семантических компонента: изобразительность и интерпретативность. Например, в цитатном комплексе:

*An' I was *thet* happy, – but he seen me an' roars out: 'Yeh, Jim!'* [5, р. 13]

‘И я был так счастлив, но он, увидел меня, и орет: «Эй, Джим!»’

глагол *roars out* ‘орет’ указывает, с одной стороны, на эмоциональное состояние героя (в соответствии со словарной дефиницией *roar* – ‘to utter in anger or triumph’ (‘произносить в злости или ликовании’)), а с другой – на громкость речи (‘to utter with a loud cry’ (‘произносить с громким криком’)) [11, с. 1329]). Следовательно, семантическая двойственность слова обнаруживается по составляющим словарной дефиниции.

Словосочетание *топая каблуком* [2, с. 331] объединяет в своем значении изображение невербального движения и интерпретацию эмоционального состояния недовольства (*топать ногами на кого-л. ‘выражать таким действием гнев и раздражение’* [6, с. 1331]). К таким гибридным компонентам относятся следующие слова: *сияя (своим свежим видом)* [2, с. 335], *покачал головой* [2, с. 341]. Создавая сцену общения, автор через видимое (жесты, мимику, взгляд) рассказывает читателю о внутреннем психологическом состоянии героя.

Гибридные компоненты, например *ejaculated* [2, с. 10] ‘воскликнул’, могут указывать на звучание речи (*cry out* ‘кричать’) и на иллокуцию (*to utter an ejaculation* ‘произносить восклицание’ (*ejaculation* – ‘a short sudden emotional utterance’ (‘короткое внезапное эмоциональное высказывание’)) [7, с. 729]).

Интерпретирующие лексические компоненты могут сочетать в себе два признака интерпретации речи: указание на эмоциональное состояние героя и на иллокуцию высказывания. Например, слова автора *раздался равнодушно-повелительный голос* [2, с. 343] указывают на безразличное отношение героя к происходящему (*равнодушный* ‘безразличный, безучастный к людям, к окружающему, происходящему’ [6, с. 1056]) и на приказной характер речи (*повелительный* ‘выражающий повеление, приказание’ [6, с. 851]). Атрибутивная конструкция *равнодушно-повелительный голос* указывает также на звучание речи, т. е. изображает интонацию голоса.

Всего в авторских сопровождениях в рассматриваемых текстах встречалось пять гибридных компонентов у А. И. Куприна и два – у Дж. Лондона.

5. Количественное соотношение изобразительных, интерпретирующих и смешанных лексических компонентов в авторском сопровождении прямой речи в рассмотренных текстах. Различия между текстами в характере изображения и интерпретации общения в авторском сопровождении проявляются в относительном весе групп, представленных в таблице, где показано количество компонентов, создающих изобразительность и интерпретативность в авторском сопровождении прямой речи. Ранги, обозначенные римскими цифрами, указывают на место, которое занимают отдельные компоненты по убывающей частоте в составе авторского сопровождения.

Приведенные данные позволяют видеть следующее: 1) у обоих авторов указание на характер и условия протекания общения занимает 1-ю позицию, так как для изображения общения необходимо передать внешние обстоятельства ситуации, при которой происходит коммуникация; 2) иллокутивные глаголы в рассказе Дж. Лондона составляют 2-ю по числу компонентов группу, что может свидетельствовать об авторском стремлении помочь читателю понять коммуникативную цель высказываний героев. У А. И. Куприна такая группа глаголов занимает 4-е место; 3) доля группы признаковых психологических

компонентов в рассказе А. И. Куприна почти в 2 раза выше процента одноименной группы в тексте Дж. Лондона. Однако у А. И. Куприна количество глаголов, обозначающих психоэмоциональное состояние героев, более чем в 2 раза меньше, нежели психологических признаковых слов; 4) названия паралингвистических явлений занимают 2-е место по частоте употребления у А. И. Куприна и 3-е место у Дж. Лондона, что можно объяснить важностью передачи неверbalного сообщения; 5) обозначения несемиотических действий, обычно сопутствующих речи, занимают 5-е место в произведении Дж. Лондона. Этот показатель резко различает двух писателей.

Количественное соотношение лексических компонентов изобразительного и интерпретативного характера в составе авторского сопровождения прямой речи героев

Лексические компоненты в составе авторского сопровождения прямой речи		В рассказе Дж. Лондона	Ранг	В рассказе А. И. Куприна	Ранг
Изобразительные	1. Названия паралингвистических и других симптоматических явлений, не связанных со звучанием речи	14 (15)	III	32,5 (19,1)	II
	2. Указание на физиологические явления	4 (4,3)	VII	18 (10,6)	V
	3. Указание на акустические, артикуляционные свойства звучания речи	4 (4,3)	VII	13 (7,6)	VI
	4. Названия сопутствующих утилитарных действий	7 (7,5)	V	3 (1,8)	IX
	5. Указание на характер и условия протекания общения	25 (26,9)	I	36 (21,2)	I
Общее количество изобразительных компонентов (из них гибридных)		54 (58) (1 (1))		102,5 (60,3) (2,5 (1,5))	
Интерпретирующие	6. Иллокутивные глаголы	18,5 (20)	II	21,5 (12,6)	IV
	7. Глаголы, обозначающие психоэмоциональные состояния и действия	7,5 (8)	IV	11,5 (6,8)	VII
	8. Признаковые слова, характеризующие психологическое состояние персонажа, его внешность и речь	7 (7,5)	V	24,5 (14,4)	III
	9. Лексические компоненты, интерпретирующие причины совершаемых действий героев	6 (6,5)	VI	10 (5,9)	VIII
Общее количество интерпретирующих компонентов (из них гибридных)		39 (42) (1 (1))		67,5 (39,7) (2,5 (1,5))	
Всего		93 (100)		170 (100)	

Примечание. Цифры в скобках – в %.

6. Основные различия между рассмотренными рассказами А. И. Куприна и Дж. Лондона в художественном представлении прямой речи.

1. Изобразительные компоненты преобладают в обоих произведениях: 58 % у Дж. Лондона и 60,3 % у А. И. Куприна.

2. Дж. Лондон передает ситуации общения, указывая на точные намерения героев, что проявляется в использовании в авторском сопровождении большого количества иллокутивных глаголов по сравнению с другими компонентами авторских слов при прямой речи в его рассказе. Это можно объяснить тем, что истории, представленные в северных рассказах (в том числе в произведении *To the man on trail*), насыщены действиями и как бы документальны. Писатель сам, работая на золотых приисках Клондайка, хорошо знал прототипы своих героев – мужественных и решительных людей «прямого действия».

3. Большое количество прилагательных и наречий с психологической семантикой указывает на внимание А. И. Куприна к интерпретации состояний и чувств персонажей. Автор выразительно раскрывает душевные состояния героев.

4. А. И. Куприн склонен изображать паралингвистическое сопровождение речи, так как в жестах, интонации герои точно передают свои эмоции, отношение к другим героям.

5. У А. И. Куприна все авторские сопровождения лексически более развернуты, чем у Дж. Лондона. Он детально обрисовывает ситуацию коммуникации и стремится найти и показать скрытые мотивы поступков, речевых действий и слов своих героев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998. С. 14–30.
2. Куприн А. И. Тапер // Куприн А. И. Молох. Поединок. Рассказы. М., 1985. С. 331–344.

3. Бахтын М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 308–327.
4. Пиз А. Язык жестов. Что могут рассказать о характере и мыслях человека его жесты. Воронеж, 1992.
5. London J. To the man on trial // London J. Short stories. Moscow, 1963. Р. 9–18.
6. Кузнецова С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008.
7. Gove Ph. B. Webster's third new international dictionary of the English language unabridged. Massachusetts, 1981.
8. Мечковская Н. Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и мета-языке // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 376–393.
9. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–217.
10. Боженкова Р. К. Русский язык и культура речи : учебник. М., 2011.
11. Sinclair J. M. Collins English dictionary. Glasgow, 2000.

Поступила в редакцию 11.05.2015.

Александра Павловна Мерчи – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкоznания филологического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкоznания филологического факультета БГУ Н. Б. Мечковская.

УДК 811.161.3

В. У. ПРАКОНІНА

СІНАНІМІЧНЫЯ АДНОСІНЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

Резюме. Посвящена исследованию системных отношений в белорусской экономической терминологии на примере синонимии. Для реализации поставленной задачи был произведен отбор терминов из сферы фиксации и сферы функционирования данной отрасли терминологии. Анализ синонимических отношений в белорусской экономической терминологии позволит выявить ее современные тенденции, а также способствует систематизации терминов. С учетом характера семантических отношений между терминами, которые соотносятся с одним и тем же понятием, выделяют термины-синонимы, дублеты и варианты. Наличие синонимии в данной отрасли терминологии связано с процессами заимствования из терминологий других языков, а также возникновением терминов-синонимов за счет собственных языковых средств. Анализ синонимических отношений позволяет рассматривать белорусскую экономическую терминологию как систему. Делается вывод, согласно которому синонимии можно избежать в сфере фиксации. При этом в сфере функционирования используются как термины-синонимы, так и дублеты и варианты.

Ключевые слова: синонимические отношения; терминология; белорусская экономическая терминология; термины; синонимы; дублеты; варианты; система.

Abstract. The article is devoted to the system relations research in the Belarusian economic terminology on synonymy example. For realization of this task the selection of the terms from the sphere of fiction and the sphere of functioning of this branch of the terminology was held. The analysis of the system relations in the Belarusian economic terminology is allowed to show the occurring tendencies and is promoted to systematize the terms. In a view of the character of the semantic relations between the terms that are sorted with the same notion (concept), the terms-synonyms, doublets and variants are allocated. Availability of the synonymy in this branch of the terminology is connected with the processes of the borrowing from the terminologies of another languages and also with the emergence of the terms-synonyms by their own language tools. The analysis of the synonymous relations is allowed to review the Belarusian economic terminology like a system. The terminology is included in the lexicology and is one of the elements of the language system. It is also concluded in the article that the synonymy can be avoided in the sphere of fiction wherein as the terms-synonyms so the doublets and variants are used in the sphere of functioning.

Key words: synonymous relations; terminology; Belarusian economic terminology; terms; synonyms; doublets; variants; system.

Беларуская эканамічна тэрміналогія дынамічна развіваецца, а таму істотныі з'яўляюцца ўпрадаванне і стандартызацыя адпаведнай тэрміналагічнай галіны. Даследаванне сінанімічных адносін у ёй дазволіць выявіць тყыя эканамічныя тэрміны, якія ў найбольшай ступені дакладнасці абазначаюць адпаведнае эканамічнае паняцце.

Мэта артыкула – прааналізаць віды сінанімічных адносін у беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Аналіз сінанімічных адносін паспрыяе сістэматызацыі беларускіх эканамічных тэрмінаў, дазволіць згрупаваць тэрміны, якія выражаютъ тоесныя паняцці, а таксама дасць магчымасць разглядаць беларускую эканамічную тэрміналогію ў якасці сістэмы. З мэтай выяўлення сінанімічных адносін тэрміны адбіраліся як са сферы фіксацыі¹, так і са сферы функцыянявання². Фактычны матэрыял налічвае 1563 тэрміналагічныя адзінкі, якія суадносяцца з 957 паняццямі.

Наяўнасць сінаніміі ў тэрміналогіі сведчыць аб сувязі працэсаў, якія адбываюцца ў лексічным складзе мовы: тэрміналагічныя адзінкі ўступаюць у тყыя ж семантычныя адносіны, якія характэрны для іншых пластоў лексікі. Пры аналізе сінанімічных адносін даследчыкі звяртаюць увагу на адрозненне тэрміна ад агульнаўжывальнага слова: «...каля значэнне звычайнага слова можа быць вытлумачана (гэта значыць, сэнсавы змест слова вызначаецца на падставе яго рэальнага ўжывання ў пэўным кантэксце), то значэнне тэрміна павінна быць акрэслена, інакш кажучы, тэрмін заўсёды звязваецца

¹ Сфера фіксацыі беларускай эканамічнай тэрміналогіі (47 крыніц) прадстаўлена слоўнікамі па эканоміцы, а таксама слоўнікамі-дадаткамі, змешчанымі ў вучэбна-метадычных комплексах: «Слоўнік бухгалтарскай тэрміналогіі» (1928), «Слоўнік па эканоміцы: праект для адмеркавання» (1967), «Міжнародныя валютна-фінансавыя адносіны: кароткі слоўнік-даведнік» (1993), «Беларуская мова. Эканамічная лексіка» (2012) і інш.

² Сферу функцыянявання складаюць вучэбныя дапаможнікі, метадычныя распрацоўкі, асобныя артыкулы па эканоміцы (55 крыніц): «Палітычна эканомія» (1934) І. Лапідуса, «Эканоміка» (1996) Д. Бэрдшоў, «Гроши, крэдыт, банкі» (2001) А. П. Шаўлюкова, «Беларуская мова: спецыяльная лексіка» (2007) В. У. Азарка і інш.